

A glass sphere sits on a mossy rock, reflecting a sunset over water. The reflection is inverted, showing the dark sky and the bright horizon line. The background is a blurred landscape with water and rocks under a soft, hazy sky.

К. ИОУТСЕН

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК КАК
МИРОВОЗЗРЕНИЕ

К. Иоутсен
АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК
как мировоззрение.
Наброски метода

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34395505

ISBN 9785449098825

Аннотация

Английскому языку как мировоззренческому феномену посвящены очерки, собранные в этой книге. Что такое язык? Почему он устроен именно так? Как научиться воспринимать мир по-английски? Смысл грамматики и грамматика смысла, логика и мироощущение языка, его история и психология рассматриваются в теории и на практических примерах. Предлагая альтернативные объяснения, проводя контриндуктивные параллели, автор формулирует собственное представление о языке-творчестве, языке-жизни, языке-культуре.

Содержание

Содержание	5
Предисловие	8
Глава I Размышления о языке	13
Знание языка и знание о языке	13
Понятие языка	17
Происхождение языка	21
Языковая несоизмеримость	26
Инвариантное описание	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК как мировоззрение Наброски метода

К. Иоутсен

Дизайнер обложки К. Ю. Иоутсен

Дизайнер обложки А. Б. Ленина

Фотограф Polarpix / Fotolia.com

© К. Иоутсен, 2018

© К. Ю. Иоутсен, дизайн обложки, 2018

© А. Б. Ленина, дизайн обложки, 2018

© Polarpix / Fotolia.com, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4490-9882-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Содержание

Предисловие

Глава 1. Размышления о языке

Знание языка и знание о языке – Понятие языка – Происхождение языка – Языковая несоизмеримость – Инвариантное описание – Скрытые классификации – Логика языка

Глава 2. Постижение языка

Объяснение без определений – Язык как творчество – Языковой барьер – Язык как актёрская игра – Качество речи – Сроки обучения – Задачи преподавателя – Язык как образ жизни – Языковые навыки

Глава 3. Изучение языка

История слов – Поле значений – Семантическая абдукция – Перевод через пересказ – Прямое описание – Описание описания – Дворец памяти

Глава 4. Происхождение слов

Языковое родство – Звукоподражание и звуковой символизм – Древнеанглийские неологизмы – Заимствование – Конверсия – Аффиксация и обратная формация – Контаминация и удвоение – Контракция и сокращение – Абла-

*ит – Авторские неологизмы – Патологические неологизмы –
Неологизмы и проблема перевода*

Глава 5. Пространство и время

Части речи как категории пространства – Артикль – Герундий – Семантика категорий пространства – Категории английского времени – Простые времена – Продолженные времена – Совершенные времена – Совершенные продолженные времена – Будущее

Глава 6. Действие и объект

Переходные глаголы – Непереходные глаголы – Переходно-непереходные глаголы – Двупереходные глаголы – Модальные глаголы – Эргативные глаголы – Делексические глаголы – Фразовые глаголы

Глава 7. Практика и примеры

Парафраз – Случайное описание – Анализ текста

[Приложение] Очерк истории языка

Древнеанглийский период – Среднеанглийский период – Новоанглийский период

Заурядный учитель рассказывает.

Хороший учитель объясняет.

Лучший учитель демонстрирует.

Великий учитель вдохновляет.

Уильям Артур Уорд

Предисловие

Предисловие, как правило, так или иначе готовит читателя к тому, что его ждёт в основном тексте. В данном случае, однако, мне бы хотелось начать с того, чем настоящая книга *не* является. Она не родилась в долгих кабинетных размышлениях или в результате компиляции чужих идей, хотя и того, и другого в ней предостаточно. Это не научная работа, не итог исследования, хотя в ней немало специальных терминов и теорий.

В полном соответствии с заглавием, никакого метода, никакой методики на последующих страницах не описано, речь идёт лишь о *набросках* в смысле чего-то не в полной мере завершённого, продуманного и проверенного. Стремление к самим этим качествам плодотворно, но их достижение едва ли желательно. Во-первых, достигнуть их и невозможно, коль скоро совершенству – банально, но справедливо – нет предела, а во-вторых, обладание чем-то в превосходной степени делает ненужным дальнейший поиск и развитие, что неизбежно – в силу природы человека – приводит к застою и деградации. Более того, только в форме набросков, некой базовой парадигмы, методика изучения языка (как и многих других предметов) и может существовать, поскольку её ядро – импровизация, а движущая сила – как энтузиазм и харизма преподавателя, так и интерес и способности ученика.

Иначе предлагаемые ниже соображения можно охарактеризовать как стратегические, тактика же в каждом случае подбирается отдельно. Как гласит известный принцип, тактика, позволившая победить однажды, в другой раз может привести к поражению. Каждый человек обладает неповторимой индивидуальностью, несмотря на всевозможные типологии, поэтому конкретная методика преподавания вырабатывается всякий раз заново, пусть и исходя из каких-то общих установок. В этом отношении обучение в самом широком понимании сродни искусству, где есть множество правил, но каждое из них может быть изменено или нарушено. Важнейшее качество преподавателя, таким образом, – это *талант*, понимаемый как сочетание интуиции, вкуса, знаний, опыта и, конечно, творческого начала.

Именно преподавателям и адресована в первую очередь эта книга. Изложенные в ней идеи формировались постепенно, в течение более, чем десяти лет непрерывной преподавательской деятельности – срока сравнительно небольшого, но всё же достаточного для того, чтобы сделать *некоторые* выводы. Они не претендуют на оригинальность – почти ко всем ним я пришёл самостоятельно, но это, разумеется, не означает, что до меня тем же путем и намного более успешно не прошли другие. Впрочем, что считать успехом? Об истинности, достоверности, неопровержимости своих выводов я никогда не задумывался, а только лишь об их эффективности, проводя апробацию собствен-

ной практикой. То, как *создавался* этот труд, – методом проб и ошибок, наивных упрощений, открытия уже известного – и то, как он в итоге *создан*, есть наглядная демонстрация тех *идей*, которые он призван донести, а именно *творческого* способа преподавания, подразумевающего, помимо прочего, и самосовершенствование преподавателя в ходе обучения.

Тем, кто изучает английский язык, в том числе и самостоятельно, настоящие наброски тоже будут небесполезны, но, наверное, в качестве *дополнительного* пособия. Эта книга – не учебник, в ней нет программы и строгого плана (более того, она выступает против таких программ и планов), скорее она предлагает особую перспективу для уже усвоенного (или усваиваемого) материала. В этом смысле она может быть рекомендована тем, кто желает расширить, углубить или качественно преобразовать своё знание и понимание английского языка, уже обладая достаточным уровнем как языковой, так и общеобразовательной подготовки.

Первая часть книги посвящена общим рассуждениям о природе языка и преподавания, своего рода философским обоснованиям метода (имея в виду философию скорее в бытовом понимании). Кому-то она может показаться чересчур оторванной от жизни и практики, однако, мне представляется первостепенно важной, поскольку это та парадигма, в которую укладывается собственно материал, тот способ, которым он преподносится.

Сам же материал – лексика и грамматика – остаётся относительно неизменным независимо от того, как мы его изучаем, так, что повторять на страницах этой небольшой книги общеизвестные правила мне показалось излишним, тем более, что найти их подробное изложение не составит труда. Некоторое количество лексического и грамматического материала, однако, приводится во *второй части* в качестве примеров того, как описанную общую теорию можно применить для демонстрации теории частной, языковой. Последняя глава, на ещё более конкретном уровне, включает образцы и разбор нескольких упражнений.

Самым важным компонентом мировоззрения является история, вернее, и то, и другое суть составные части единого (и неделимого) целого. Историзм пронизывает мировоззрение, и наоборот, поэтому сложно говорить об одном, не затрагивая другое. И вместе с тем, в интересах ясности, я счёл разумным посвятить истории языка – в самой общей её форме – отдельный очерк в *приложении*.

В целом эта книга написана довольно сухим стилем, хотя – как хотелось бы надеяться – не настолько, чтобы назвать его научным. Примеры на английском языке даются в самой краткой форме. Непосредственно для преподавания такой стиль и такие примеры, конечно, не подходят, но здесь они выбраны намеренно, из соображений нейтральности. В то же время, стиль не отличается излишней простотой (хотя специально и не усложнён), что также сделано не без причи-

ны, и призвано стимулировать более внимательное чтение. Вполне вероятно, в этой связи, что книга может оказаться слишком академичной для тех, кто далёк от учёной среды, и при этом – слишком любительской для профессиональных языковедов. Но об этом судить самим читателям.

Мне бы хотелось выразить благодарность всем моим ученикам, так или иначе повлиявшим на становление моих взглядов, а особенно К. Беяеву, Г. Крючкову, А. Лениной, Б. Мессереру, А. Модестову, Е. Подосинниковой и М. Спектору. В какой-то мере я, конечно, испытал и влияние своих учителей, прежде всего А. Никифорова и В. Рыбакова (первого читателя этой работы). Кроме того, я признателен моим добрым знакомым, филологам А. Магировской и Е. Топниковой, которые любезно и откровенно высказали мне всё, что они думают о моих воззрениях. Разумеется, за все недостатки сего труда несу ответственность только я один.

Глава I Размышления о языке

Знание языка и знание

о языке – Понятие языка –

Происхождение языка –

Языковая несоизмеримость –

Инвариантное описание – Скрытые

классификации – Логика языка

Знание языка и знание о языке

Прежде, чем начать разговор о языке, следует разграничить внутреннее практическое знание *собственно языка* и внешнее теоретическое *знание о языке* – связанные, но совсем не тождественные вещи. В зависимости от того, какое знание приоритетно, должен и выбираться соответствующий подход. Если – как в настоящей работе – речь идёт об овладении языком как таковым, то теорию следует привлекать лишь в том количестве и той форме, которая абсолютно необходима на практике. Иными словами, не имеет никакого значения, насколько используемое знание о языке *истинно*, насколько оно соответствует современным на-

учным воззрениям или даже здравому смыслу. Единственным критерием качества и ценности информации является то, насколько она *полезна*. Эффективное обучение опирается на прагматизм, а значит, всякое объяснение истинно настолько, насколько оно эффективно.

Ценнейшим опытом можно считать усвоение родного языка ребёнком, который не получает никаких сведений ни о лексике, ни о грамматике, ни об истории языка и тому подобном. Ребёнок усваивает язык *естественным образом* – наблюдает, имитирует, делает выводы, ошибается, преуспевает. Конечно, нельзя забывать о возрастных особенностях, накладывающих отпечаток на специфику всего этого процесса, и вместе с тем, именно такое обучение, по сути, самообучение, представляется образцовым. К сожалению, происходит оно в столь раннем возрасте, что едва ли кто сохраняет о нём сколько-нибудь отчётливые воспоминания, а изучение его со стороны трудно применить на собственном опыте.

Когда речь идёт о подростках или взрослых, то аналогичным описанному методом может, как кажется, служить только полное погружение в языковую среду, что, однако, далеко не всегда осуществимо, да и не во всех случаях даёт безусловно положительные результаты. Поэтому, как правило, изучение всякого иностранного языка начинается с теории и подкрепляется практикой, а не наоборот. В целом это оправданно, вопрос лишь в том, какую теорию (и какую практику) применять, в каком количестве и как.

Условно разделим всё знание о языке на две области: общую и конкретную. К общему знанию отнесём историю и психологию языка, особенности его мировосприятия и внутренней логики, структуру, связь с другими языками; к конкретному же знанию – непосредственно грамматические правила, принципы словоупотребления, то есть, техническое описание языка в его нынешней форме. В принципе это, разумеется, одно и то же, но в разном масштабе. Большая часть учебных пособий, несмотря на всю разницу методик и подходов, подробно останавливается на конкретном знании, исходя из его прямой связи с практикой. Это в свою очередь приводит к *техническому восприятию* языка, пониманию того, что язык и есть, в сущности, набор слов и правил. Но язык не математика, технического мастерства для полноценного владения языком недостаточно. Язык должен работать на уровне ощущений, чувств, интуиции. Язык – это *мировоззрение*, которое невозможно изложить лишь аналитически, в строгих и точных терминах и определениях, как невозможно, скажем, описать красоту осеннего леса через подсчёт количества листьев и распределения их по цветовой шкале – красоту (в самом бытовом понимании этого слова) можно только *увидеть*, но нельзя *обосновать* или доказать.

Общее знание, таким образом, представляется как минимум настолько же важным, что и конкретное. Или более важным, коль скоро оно есть результат обобщений более высокой степени, сделанных на более широком материале. Что-

бы увидеть некоторую закономерность в отношении некоторого явления грамматики, вывести в первом приближении некоторое правило, достаточно всего нескольких примеров. Чтобы увидеть мир так, как видит его носитель языка, примеров нужно несоизмеримо больше, а, кроме того, нельзя будет обойтись без сведений о культуре и истории, которые позволят понять, *почему* данный язык именно такой.

Понятие языка

Что же такое язык? Как его определить, охарактеризовать? Это одно из тех многих абстрактных понятий, которые каждый понимает несколько по-своему, и даже в науке ему нет единого толкования. В филологии, психологии, философии имеются разные, пусть и схожие, трактовки.

В данном случае, однако, более важно не то, чем является язык в качестве объекта изучения, а то, как он может использоваться в качестве инструмента. Очевидно, что язык служит для *восприятия* и/или *формирования* – реальности или фантазии – и их *описания*, он *фиксирует информацию* (любого рода), посредством него она *передается* от одного человека к другому. Если ограничиться только этим набором функций, можно заметить, что ни одна из них не присуща исключительно языку. И всё-таки, как кажется, ничто другое не обладает всеми этими функциями одновременно.

Попробуем обратиться к метафоре. Например, тем, кто интересуется компьютерами и вообще информационными технологиями, можно предложить сравнение языка с операционной системой. Последняя нужна для того, чтобы, с одной стороны, оживить собственно компьютер (= материальный мир), придать ему смысл и сделать возможным работу с ним, а с другой, это необходимая среда (= слова, понятия) для использования отдельных программ (= отдельные

виды материальной и духовной деятельности). Операционная система не является уникальной лишь для одного компьютера (= язык не уникален для одного человека), она более или менее широко распространена, благодаря чему программа (= идея, теория, произведение искусства), созданная на одном компьютере (= одним человеком), может работать и на другом (= у другого человека). Операционная система даёт определенные возможности и накладывает определённые ограничения (= понятийный аппарат), она диктует некоторые общие правила (= грамматика), обязательные для всех, кто ей пользуется, она определяет, какие программы мы можем на ней запускать (= какую мысль можно выразить), а какие нет. Да и сами программы, несмотря на своё разнообразие, несут отпечаток этой системы. При этом, разные операционные системы (= языки) несовместимы и несоизмеримы: элементу одной можно (и не всегда) найти лишь приблизительное соответствие другой; программа, созданная для одной, не будет работать в другой. Хотя, в сущности, разные системы можно установить на один и тот же компьютер, в том числе и одновременно (= человек может владеть несколькими языками).

Конкретного знания операционной системы – как включить и выключить компьютер, вырезать/копировать/вставить файлы и тому подобного (= грамматические правила и нормы словоупотребления) – достаточно, чтобы ей пользоваться. Однако продвинутые пользователи захотят, возмож-

но, её персонализировать (= соответствие языка стилю мышления), сделать более быстрой и производительной (= соответствие языка содержанию мысли). Может возникнуть и необходимость в программе, которая ещё не никем не создана, или может появиться неисправность, которая никем не предусмотрена. В этом случае потребуется более глубокое знание системы (= *общее* знание языка), например, понимание программирования (= логика языка) и знание математики (= психология, история).

Для тех, кто больше склонен к искусству, сравним язык с музыкальным инструментом, а музыку – с речью, то есть, с идеями, облечёнными в языковую форму. Инструмент – это своего рода посредник между физическим миром и нашим внутренним. Он позволяет нам выразить то, что мы думаем, придать этому определённую условную форму, понятную другим. Инструмент как отражает реальность в виде объективных принципов акустики, так и создаёт её, поскольку музыки нет в природе. Для одного и того же инструмента, вернее, вида инструмента, написаны разные произведения, которые всякий, владеющий этим инструментом, может исполнить. У всякого инструмента есть свои особенности, что-то на нём сыграть можно, а что-то нет. Музыка, созданная для определённого (вида) инструмента, привязана именно к нему, хотя с разной долей достоверности (но никогда полной) может быть исполнена и на других инструментах. И ничто – кроме отсутствия способностей и желания –

не мешает одному музыканту владеть несколькими различными инструментами.

Опять же, знания основных приёмов техники игры довольно, чтобы сыграть *какую-то* музыку, но чем лучше мы владеем инструментом, тем точнее, полнее и глубже мы можем изложить наши мысли. Виртуоз не играет на случайном инструменте, он не только тщательно его выбрал, но и тщательно изучил. Стальные струны или нейлоновые? Цифровое пианино или акустическое? Французская система клапанов или немецкая? Не только виртуозом, но и исполнителем сколько-нибудь высокого уровня невозможно стать, не разобравшись в устройстве инструмента, его истории, не зная ничего о тех людях, которые на нём играли и играют.

Подобных метафор можно найти множество, и подбирать их следует исходя из потребностей каждого конкретного случая. Главное – чтобы метафора была наглядной и доступной и отражала *ключевые* черты языка.

Происхождение языка

В масштабе человечества языки создаются людьми, однако, в масштабе жизни отдельного человека язык – это уже *данность*. Именно язык изначально определяет то, как человек будет видеть мир и каково будет место человека в мире. Язык в этом смысле есть не что иное, как квинтэссенция конкретной культуры.

Мир вокруг нас велик, сложен и бесконечно разнообразен. Он изменяется быстрее, чем мы успеваем это заметить. Каждая частица этого мира – по какому бы принципу мы не делили мир на части – уникальна, и ничто в нём не повторяется в точности. В сущности мир есть *хаос*, даже если понимать под хаосом порядок сверхвысокой степени организации. В условиях хаоса, впрочем, невозможна никакая *деятельность*, поскольку всякий раз мы оказываемся в абсолютно новой ситуации. Нам не с чем её сравнить, поскольку все наши ситуации различны. Мы не видим никаких причин, никаких следствий, никаких целей – у нас даже нет таких понятий. В подобных условиях мы полагаемся только на инстинкты и рефлексy.

Можно, однако, выбрать несколько иную перспективу. Конечно, в мире нет ничего совершенно одинакового, но это не значит, что всё *в равной степени* неодинаково. Нечто больше похоже на что-то одно, чем на что-то другое. Как

кажется, с этой простой идеи и начинается язык, то есть, с объединения в сознании людей разрозненных частиц мира в группы, с выделения их общих характеристик, иными словами, с абстрагирования и классификации. Благодаря этому появляется возможность говорить, к примеру, не о данном камне, а о камне *вообще*, не о холодном, как о свойстве ветра, который мы сейчас чувствуем, а о холодном *вообще* и так далее.

По-другому тот же самый процесс можно представить как переход от имён собственных к именам нарицательным. Когда мы даём имя какому-то конкретному явлению – предмету, свойству, действию – это первый шаг к языку, но ещё не язык, поскольку все эти имена, как и означаемые ими явления, разрозненны и никак не связаны друг с другом, а сходства и различия между ними никак не прояснены. Количество (собственных) имён, таким образом, теоретически равно количеству явлений, а значит, и не так важно, есть у них имена или нет. Мир по-прежнему хаотичен, пусть и уже более удобен. Но когда мы даём имя не *одному* конкретному явлению, а *группе* явлений, ситуация радикально меняется. Теперь огромному количеству явлений соответствует сравнительно небольшое количество (нарицательных) имён.

Если описанная выше точка зрения более или менее объясняет, *как* возникает язык, всё равно остаётся вопрос о том, *почему* это происходит. Для одного только выживания ни-

какое абстрагирование не нужно, никакая классификация необязательна. В конце концов, язык в той или иной форме есть и у животных, но его функции, по-видимому, ограничены передачей простейшей информации и не связаны с описанием мира, а именно последнее отличает язык человека от языка животных. Откуда же и как эта функция описания берётся? Едва ли древние люди задумывались над подобными проблемами и уж тем более обсуждали их – для этого им *уже* нужен был бы язык, стало быть, формировался он неосознанно.

По всей видимости, решающим фактором здесь оказывается *страх* – по выражению классика, самая сильная из человеческих эмоций, особенно в форме страха перед неизведанным. Непонятный, непредсказуемый и потенциально опасный мир-хаос, которому невозможно противостоять и от которого невозможно скрыться, есть воплощение всего неизвестного и, следовательно, первоисточник страха. Единственный способ победить или, по крайней мере, обуздать этот страх сводится к тому, чтобы узнать неизвестное, понять непонятное, увидеть форму там, где прежде её не замечалось, то есть, *упорядочить*. Всего лишь одно сходство, обнаруженное между двумя единичными явлениями, вызывает смутное ощущение того, что мир только *кажется* хаотичным, что порядок *существует* и может быть *обнаружен*. С каждым новым открытием мир делается всё понятнее, а страх всё отступает. Таково начало языка, культу-

ры, цивилизации. Похожая картина так или иначе отражена и в мифологии многих народов.

Нетрудно, впрочем, заметить, что *формирование упорядоченного представления* о мире (приписывание) – это совсем не то же самое, что *поиск уже имеющегося порядка* в мире (описание). Точнее говоря, между этими вещами вообще нет прямой логической связи. Переход от одного к другому происходит, так сказать, психологически, из присущего человеку стремления выдавать желаемое за действительное. На самом базовом уровне всё наше мировоззрение есть не что иное, как успокоительная иллюзия, подменяющая хаос бытия образом порядка.

Любого рода абстрагирование – это прокрустово ложе подмены богатства и разнообразия хаоса типологией системы. Нивелируя индивидуальные особенности и различия, порядок привносит упрощение и искажение. И вместе с тем, это не только неизбежно, но и необходимо. Мы можем либо смотреть на мир во *всех* его красках, но *не различать* их, либо видеть мир серым, но различать *оттенки* серого. Каждый язык – это отдельный набор таких оттенков. Овладевая новым языком, мы добавляем новые оттенки в палитру нашего индивидуального сознания, а значит, воспринимаем мир более детально, более многомерно, более ярко. Наше мировоззрение приобретает новый уровень, не более и не менее высокий, а просто иной, новую сетку координат, новую систему ориентиров на карте реальности, что даёт нам возможность

жить более полной и насыщенной жизнью. Только ради этой цели – достаточной самой по себе – и стоит, пожалуй, изучать язык.

Языковая несоизмеримость

Принцип обобщения и систематизации – это то, что все языки объединяет, но по тому, как именно этот принцип реализуется, языки и различаются. Действительно, у всякого явления есть множество свойств, соответственно, в зависимости от того, какие свойства мы выделяем, и включать это явление можно в самые разные группы. Некоторые свойства приходится считать главными, *определяющими* для данного явления, другие – *второстепенными*, из чего складывается *иерархия* свойств. В сущности, это тот же самый принцип обобщения, но прикладываемый уже не ко всему миру в целом, а к частице мира – одному конкретному явлению.

Но какие свойства более, а какие менее важны? По каким сходствам обобщать, по каким различиям разделять? На ранних этапах истории человечества, в условиях, когда главная – если не единственная – задача сводится к *выживанию*, ответы на эти, по-прежнему неосознанные, вопросы диктуются, по-видимому, *практикой*, непосредственными условиями жизни и деятельности, которые в свою очередь накладывают отпечаток и на коллективное *сознание* людей, обитающих в разных условиях. Кто-то живёт в тёплом климате, а кто-то в холодном, кто-то охотится, а кто-то ловит рыбу. Так и внимание этих людей сосредоточено на тех явлениях и свойствах явлений, которые для них более *прак-*

тически важны, что впоследствии закрепляется в их психологии и воплощается в языке. Затем эти уже готовые понятия становятся отправной точкой и мерой растущих знаний о природе и самом человеке, морали, вообще мировоззрения. У разных групп людей складываются *особенные* обычаи и традиции, возникают культуры и цивилизации, и с ходом исторического процесса различия эти только усиливаются. В итоге разные мировоззрения – и соответствующие им языки – не только непохожи и несопоставимы, но и *несоизмеримы*, каждое из них описывает мир по-своему, выделяет специфические понятия, расставляет свои собственные акценты.

Возьмём для примера условный язык эскимосов крайнего севера и условный язык туземцев тропического юга. Сможет ли эскимос объяснить туземцу, что такое снег? Вернее, сможет ли туземец это понять? По отдельности абстрактные свойства снега – белый, холодный, мокрый, падающий с неба – возможно, ясны. Впрочем, *точно* ли так же понимает их туземец, как и эскимос? К тому же, речь и не о *явлении* как таковом, а о языковом *отражении* этого явления, прошедшем через восприятие, нагруженном интерпретацией, переодетом в словесную форму, не говоря уже о том, что всякое явление есть нечто большее, чем совокупность его свойств. Все эти своего рода *фильтры*, стоящие между явлением и его пониманием, тоже составляют язык. Фильтр пропускает то, что может быть пропущено, и задерживает или

изменяет всё остальное. Какая-то информация через него, конечно, проходит, но в конечном итоге – это лишь более или менее похожий *аналог*. Даже если эскимос исключительно красноречив и у него первоклассный переводчик (а его/их собеседник исключительно сообразителен), более того, даже если он *продемонстрирует* туземцу снег, он сможет рассчитывать лишь на то, что добился самого общего представления о снеге. Чтобы увидеть десятки оттенков белого, почувствовать разные степени мокрого и холодного, понять, что снег может быть причиной как гибели (буря), так и спасения (иглу), представить само существование, настолько тесно связанное со снегом во всех его проявлениях, что их невозможно разделить, – для этого туземцу потребуется родиться и (несколько поколений) прожить на севере. Иными словами, чтобы понять эскимоса, туземец должен *быть* эскимосом. И, конечно, наоборот.

Чем более близки – географически, исторически, культурно – люди, говорящие на разных языках, тем более адекватного взаимопонимания они могут достигнуть. Но это взаимопонимание никогда не будет абсолютным, во всяком случае, его никогда нельзя с полной уверенностью *обнаружить*.

Инвариантное описание

Выше подчёркивались различия, определяющие разницу языков, и ими же определяемые. Но можно возразить, что даже самые несхожие условия жизни людей не более, чем детали, не затрагивающие общего, а именно того, что все люди – это, собственно, люди, а весь мир вокруг нас подчиняется одним и тем же законам природы. Ни то, ни другое, впрочем, нельзя считать весомым аргументом. Выделение людей в общую категорию – уже результат *языкового* мышления. Все люди различны и каждый человек уникален, как и всё остальное. То же самое касается и законов природы. Они не описывают природные явления, а лишь выражают представление, свойственное конкретному мировоззрению.

Как уже отмечалось, объективная реальность – если она существует – *инвариантна*, то есть, может быть описана различно в пределах, допускаемых как самим объектом, так и нормами описания. Распространённость, даже обыденность, объекта вовсе не означают, что он будет описан одинаково. Даже выделение его частей неоднозначно.

Объект, без преувеличения знакомый каждому человеку, – его собственное тело. Не принимая в расчёт индивидуальные особенности и исключительные случаи, у всех людей оно схоже. Очевидно, что у тела есть разные части. Голова – это не то же самое, что рука, а глаз отличен от уха.

Но где и как провести *точную* границу между соседними частями тела? Это уже не всегда возможно. Ясно, где *примерно* заканчивается шея и начинается туловище, но мы можем лишь установить область, в *пределах* которой условно проходит такая граница. Тело *не собрано* из разных частей, мы лишь из соображений удобства *различаем* в нём части. А различать их – в рамках разных языков – мы можем по-разному. Например, по-русски мы не различаем пальцы на руках и ногах. Все они в одной категории *пальцев*, и всего их двадцать. По-английски пальцы на руках – это *fingers*, а на ногах – *toes*. Разные слова, разные понятия, разные категории частей тела, по десять тех и других соответственно.

Опять же, насколько детально можно делить тело и какова иерархия частей? В русском языке рука простирается от плеча до кончиков пальцев, это одна часть тела. Кисть руки, как следует из самого наименования, – это часть части, подчасть. В английском же единого понятия руки нет. Есть *arm*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.